

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ ЯрГУ
STATIO ANTIQVITATIS

Зелинский Ф.Ф. 1901: Римский уголовный процесс
// М. Туллий Цицерон. Полное собрание речей в русском переводе.
Т. I. СПб, 755-761.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
JAROSLAWL, RUSSLAND

yar.antik.center@gmail.com

<http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/10>

Ярославский
государственный
университет
им. П.Г. Демидова
Yaroslavl Demidov State University

Российская
Ассоциация
Антиковедов
Russian
Society of
Classical Studies

Научно-исследовательский и
образовательный Фонд
«Центр изучения
римского права»
Ярославский филиал
The Research and Educational Foundation "The
Centre for Roman Law Studies"
Yaroslavl branch

II.

Римскій уголовный процессъ.

1. Общій характеръ. Тотъ порядокъ уголовного судопроизводства, который былъ въ силѣ (для крупныхъ уголовныхъ дѣлъ) въ эпоху Цицерона,—порядокъ такъ наз. уголовныхъ комиссій (*quaestiones perpetuae*)—получилъ всеобщее распространеніе, благодаря реформамъ Суллы, но возникъ еще въ 149 г., специально для судовъ *de repetundis*, благодаря закону, изданному Г. Кальпурніемъ Пизономъ Честнымъ. Его первообразомъ было гражданское судопроизводство претора *inter peregrinos*; ему уголовный процессъ эпохи Цицерона былъ обязанъ тѣмъ, что былъ не розыскнымъ, а состязательнымъ, т. е. что обвиняемый былъ въ немъ не предметомъ судопроизводства, а стороною, наравнѣ съ обвинителемъ, съ неограниченнымъ правомъ молчанія и защиты. Благодаря главнымъ образомъ этой чертѣ, римскій уголовный процессъ былъ уже тогда тѣмъ идеаломъ правосудія, котораго лишь сравнительно недавно достигъ уголовный процессъ новѣйшихъ временъ.

I. Органы уголовного процесса.

2. Потерпѣвшая сторона. Уголовный процессъ, въ противоположность гражданскому, имѣетъ точкой исхода совершенное преступленіе. Тѣхъ, кто стали жертвой преступленія, мы называемъ потерпѣвшей стороною. Потерпѣвшая сторона вдвойнѣ могла быть заинтересована въ исходѣ процесса:

1) Матеріально, такъ какъ обвинительный приговоръ давалъ ей право получить возмѣщеніе убытка, насколько таковой былъ возмѣстимъ. Въ этихъ случаяхъ уголовный процессъ былъ соединенъ съ гражданскимъ искомъ—какъ и нынѣ. Разборъ этого гражданскаго иска производился, однако (какъ это иногда дѣлается и нынѣ), не по формамъ гражданскаго судопроизводства, а въ той же уголовной комиссіи, посредствомъ такъ наз. *litis aestimatio*.

2) Нравственно, такъ какъ наказаніе преступника хоть до нѣкоторой степени утоляло ея жажду справедливости. Въ древности этотъ мотивъ признавался законнымъ, нынѣ—нѣтъ. Отсюда вытекаетъ чрезвычайно важна

разница между уголовнымъ судопроизводствомъ въ древнемъ Римѣ и у насъ: тамъ потерпѣвшая сторона пользовалась неограниченнымъ правомъ выбора обвинителя, у насъ она этого права лишена.

3. Роль государства, какъ стороны. Но кромѣ потерпѣвшей стороны, и государство заинтересовано въ томъ, чтобы преступника постигало наказаніе. На этомъ возрѣніи основано право государства возбуждать уголовное преслѣдованіе противъ преступника помимо и даже противъ воли потерпѣвшей стороны. Это право одинаково признавалось какъ въ древнемъ Римѣ, такъ и у насъ; разница состояла, однако, въ томъ, что тамъ всякій гражданинъ¹ (съ нѣкоторыми ограниченіями) могъ выступать представителемъ государственныхъ интересовъ, между тѣмъ какъ у насъ существуетъ для этого особый институтъ—государственная прокуратура.

4. Дивинація. Изъ сказаннаго видно почему конкуренція обвинителей, немислимая у насъ, была въ древнемъ Римѣ дѣломъ зауряднымъ: кромѣ повѣреннаго потерпѣвшей стороны, могло предложить свои услуги неограниченное число лицъ, выступавшихъ представителями государственныхъ интересовъ. Такъ, въ дѣлѣ Верреса, кромѣ Цицерона, котораго избрали обвинителемъ Сицилійцы, хотѣлъ возбудить процессъ противъ Верреса, какъ представитель государства, Кв. Цецилій. Этимъ объясняется существованіе въ Римѣ невозможнаго у насъ института—дивинаціи. Еще до предварительнаго слѣдствія всѣ кандидаты должны были явиться къ претору-предсѣдателю, который приглашалъ на засѣданіе всю свою декурію (см. ниже 17), и произнести каждый по рѣчи, чтобы зарекомендовать себя; выслушавъ рѣчи всѣхъ кандидатовъ, декурія рѣшала, кому быть обвинителемъ: этимъ конкуренты устранились (см. р. 4).

5. Обвинительная власть. Будучи утвержденъ преторомъ послѣ дивинаціи или—если конкурентовъ не было—безъ таковой, частный обвинитель дѣлался должностнымъ лицомъ. Выданный ему преторомъ дипломъ давалъ ему право: 1) производить домашній обыскъ какъ у подсудимаго, такъ и у другихъ лицъ (хотя, вѣроятно, съ ограниченіями); 2) опечатывать общественныя и частныя грамоты и снимать надлежаще удостовѣряемыя копіи съ тѣхъ изъ нихъ, которыя въ подлинникѣ не могли быть перевезены въ Римъ; 3) заставлять, кого онъ считалъ нужнымъ, явиться въ Римъ для свидѣтельскихъ показаній (это называлось *testimonium denuntiare alicui*); 4) пользоваться услугами государственныхъ и общинныхъ властей.

6. Подсудимый. Относительно положенія подсудимаго слѣдуетъ отмѣтить, какъ особенность римскихъ порядковъ, что судимость не влекла за собою лишенія личной свободы. Исправная явка подсудимаго въ судъ была достаточно обезпечена грозившимъ ему въ случаѣ неявки осужденіемъ и, какъ послѣдствіемъ такового, потерю всѣхъ правъ состоянія. Заключение подсудимаго подъ стражу было бы съ точки зрѣнія римлянъ несомнѣннымъ нарушеніемъ состязательнаго принципа, легшаго въ основу всего ихъ уголовного судопроизводства. Этимъ объясняется возможность для подсудимаго оставить судъ до приговора.

7. Защита. Выборъ защитника всецѣло зависѣлъ отъ подсудимаго; конкуренціи не было. Сознвая громадную важность, которую имѣеть для правосудія ревностная и умѣлая защита, Римляне всячески старались облегчить ее (см. р. 24 § 10). Задача защитника состоитъ, по римскому взгляду, не въ томъ, чтобы вырвать изъ рукъ правосудія несомнѣнно виновнаго человѣка, а въ томъ, чтобы привести и развить всѣ говорящія въ его пользу обстоятельства; вообще при чтеніи рѣчей Цицерона нужно твердо помнить, что виновность кліента, какъ бы она ни была вѣроятна, нисколько не позоритъ защитника, покуда она только вѣроятна, а не несомнѣнна (см. р. 15 § 57). Правда, съ другой стороны, что защитникъ, будучи представителемъ лишь подсудимаго, а не государства, былъ лишень тѣхъ преимуществъ, которыми пользовался обвинитель въ силу выданнаго ему преторомъ диплома, и могъ рассчитывать только на добровольныхъ свидѣтелей и добровольно выданныя ему грѣмоты и прочія доказательства, также, разумѣется, и на представленныхъ обвиненіемъ свидѣтелей, умѣлымъ цопросомъ (*interrogatio*) которыхъ онъ часто могъ спасти дѣло своего кліента. Это неравенство въ положеніи обоихъ представителей сторонъ было уравновѣшиваемо болѣе выгоднымъ положеніемъ защиты вообще, заключавшимся въ томъ, что приводить доказательства долженъ былъ обвинитель, для защитника же было достаточно разбивать доводы своего противника.

8. Advocati. У насъ адвокатомъ называется защитникъ; въ эпоху Цицерона защитникъ назывался *patronus*, подъ *advocati* же разумѣли тѣхъ знатныхъ и опытныхъ въ судебномъ дѣлѣ людей, которые при предварительномъ слѣдствіи отстаивали интересы подсудимаго передъ трибуналомъ претора и давали совѣты какъ подсудимому, такъ и защитнику (послѣдній, будучи прежде всего ораторомъ, не всегда обладалъ желательной юридической опытностью), а во время окончательнаго производства сидѣли на скамьяхъ защиты, поддерживая ее своимъ присутствіемъ.

9. Laudatores. Кромѣ защитника и *advocat'ovъ*, защиту поддерживали еще такъ наз. *laudatores*, т. е. люди, которые не могли ничего показать по существу дѣла, но зато могли дать благоприятный отзывъ о прошлой жизни подсудимаго. Конечно, этотъ отзывъ помогаль подсудимому лишь тогда, когда 1) онъ былъ искренень, 2) *laudator* былъ человѣкомъ почтеннымъ, и 3) *laudatores* было достаточно большое число—не менѣ десяти.

10. Свидѣтели. Свидѣтелями могли быть всѣ свободныя лица безъ различія пола (были, однако, лица, устраняемыя и освобождаемыя отъ свидѣтельства; къ первымъ принадлежали люди завѣдомо порочные, *intestabiles*, ко вторымъ—ближайшіе родственники, кліенты и патроны); они давали свои показанія подъ присягой, другихъ же принудительныхъ мѣръ (напр., пытки) не полагалось. Объ ихъ привлеченіи заботились представители сторонъ (а не судъ, какъ у насъ), и неявка свидѣтеля не считалась препятствіемъ къ производству судебного слѣдствія. Отношенія представителей сторонъ къ своимъ свидѣтелямъ были очень деликатны: слѣдовало избѣгать всего, что могло быть истолковано, какъ попытка произвести давленіе на нихъ

Еще предосудительнѣе были попытки вступать во всеудебныя сношенія со свидѣтелями противной стороны.

11. Письменные и вещественныя доказательства. Письменныя и вещественныя доказательства должны были быть переданы предсѣдателю до окончательнаго производства въ опредѣленный закономъ срокъ, иначе они доказательной силы не имѣли; вслѣдствіе этого грамоты читались не ораторомъ, а по его приглашенію секретаремъ (scriba), а вещественныя доказательства показывались суду судебнымъ приставомъ (praeco). — Стѣдуетъ однако, замѣтить, что въ отношеніи какъ ихъ, такъ и всѣхъ прочихъ приводимыхъ сторонами соображеній, въ судебной практикѣ древнихъ римлянъ господствовала такъ наз. свободная оцѣнка доказательствъ, т. е. не было предустановлено закономъ, что въ случаѣ представленія такого-то рода доказательствъ слѣдуетъ признать преступленіе доказаннымъ—всѣ приводимыя въ пользу или во вредъ обвиняемаго доказательства **взвѣшивались** судьями по одному лишь ихъ внутреннему убѣжденію. Эту «свободную оцѣнку доказательствъ», лишь сравнительно недавно ставшую достояніемъ новѣйшаго уголовнаго судопроизводства, римляне, при своемъ тонкомъ юридическомъ чутьѣ, нашли рано; лишь благодаря ей, римское судебное краснорѣчіе могло получить то могучее развитіе, о какомъ свидѣлствуютъ судебныя рѣчи Цицерона.

12 Предсѣдатель. Предсѣдателемъ суда былъ въ шести главныхъ уголовныхъ комиссіяхъ—въ томъ числѣ въ комиссіи *repetundarum* (самой главной, р. 4—10 и 12), *ambitus* (= „домогательство“, р. 24), *majestatis* (= «оскорбленіе величества римскаго народа», т. е. государственная измѣна, превышеніе власти и пр.) *de sicariis et veneficis* (—„убійства и отравленія“, р. 2 и 15) и *peculatus* (= «казнокрадство»)—одинъ изъ шести уголовныхъ преторовъ (см. выше I, 6). Отъ него исключительно зависѣло преданіе обвиняемаго суду, а также и всѣ приготовительныя къ суду распоряженія; вообще до начала судебного слѣдствія представители сторонъ имѣли дѣло съ нимъ однимъ (исключая дивинаціи, о которой см. выше § 4). Во время окончательнаго судопроизводства предсѣдатель руководилъ преніями и до нѣкоторой степени допросомъ свидѣтелей (которыхъ, однако, допрашивалъ не онъ, а стороны), объявлялъ въ случаѣ надобности перерывъ и т. д.; по окончаніи слѣдствія онъ отбиралъ голоса присяжныхъ и объявлялъ вердиктъ.

13. Судьи. Судьями были, пока была въ силѣ *lex Cornelia judiciaria* т. е. до 70 г., одни только сенаторы; сколько ихъ было—этого мы въ точности не знаемъ. Въ 70 г. Авреліевымъ закономъ (*lex Aurelia judiciaria*) былъ учрежденъ всесословный судъ присяжныхъ, въ составъ котораго входило по 25 (прибл.) представителей всѣхъ трехъ сословій (см. выше I, 3). Объ образованіи суда рѣчь будетъ ниже (§ 17). Тѣхъ стѣснительныхъ мѣръ которыя принимаются нынѣ, въ видахъ огражденія присяжныхъ отъ постороннихъ вліяній на время окончательнаго судопроизводства, въ древности не знали; зато жалобы на такія вліянія, въ особенности на подкупъ, раздавались часто. О вмѣшательствѣ судей въ допросъ свидѣтелей не слышно; зато имъ не возбранялось во время слѣдствія выражать свое сочувствіе и несочувствіе сторонамъ и свидѣтелямъ.

14. Время и мѣсто суда. Судъ происходилъ ежедневно, за исключеніемъ неприсутственныхъ дней (которыхъ было немало); и продолжался съ ранняго утра до захода солнца, такъ что засѣданія были зимой короче, чѣмъ лѣтомъ. Мѣстомъ суда служилъ вообще форумъ, въ частности его выборъ зависѣлъ отъ обвинителя и предсѣдателя. Такъ какъ засѣданія происходили публично, то судъ всегда былъ окруженъ публикой (согона), иногда очень шумно выражавшей свои чувства; стража привлекалась лишь въ исключительныхъ случаяхъ по распоряженію сената.

2. Движеніе уголовного процесса.

15. Дознаніе. Первымъ дѣйствіемъ правосудія послѣ совершенія преступленія было дознаніе объ его «событіи» и его виновникѣ. Это было частнымъ дѣломъ потерпѣвшаго и обвинителя, которымъ государство не дѣлало никакихъ препятствій, но обыкновенно и не приходило на помощь; для обвинителя оно было необходимо въ виду того, что за легкомысленное обвиненіе (calumniā) онъ самъ привлекался къ отвѣтственности по закону (см. ниже § 24).

16. Преданіе суду. Убѣдившись въ основательности говорящихъ противъ заподозрѣннаго лица уликъ, обвинитель отправлялся къ претору-предсѣдателю соответственной комиссіи и требовалъ преданія заподозрѣннаго суду; это была т. наз. *postulatio*. Преторъ знакомился съ дѣломъ съ чисто внѣшней стороны; если онъ находилъ все формальности въ порядкѣ (для чего иногда требовалась дивинація; см. выше § 4), то онъ вносилъ имя заподозрѣннаго въ списокъ подсудимыхъ (*nomen accipiebat*), о чемъ и оповѣщалъ послѣдняго, если онъ былъ въ отсутствіи. Затѣмъ онъ выдавалъ обвинителю дипломъ (§ 5) и назначалъ ему срокъ для производства предварительнаго слѣдствія, объявляя такой-то день днемъ открытія окончательнаго производства.

17. Образование суда. Изъ назначеннаго на производство предварительнаго слѣдствія времени обвинитель—по Корнеліеву закону—60 дней долженъ былъ провести въ Римѣ (или вблизи его) для того, чтобы вмѣстѣ съ предсѣдателемъ и защитникомъ участвовать въ образованіи суда. Для этого были назначены три срока—10-й (?), 20-й и 60-й день. Дѣло въ томъ, что совокупность присяжныхъ (т. е. сенаторовъ) была раздѣлена на определенное число декурій, изъ которыхъ одна доставалась по жребію претору-предсѣдателю для составленія его комиссіи. Въ десятый (?) день подсудимый долженъ былъ подъ присягой назвать, въ присутствіи предсѣдателя и обвинителя, тѣхъ членовъ декуріи, которые приходились ему близкими родственниками или вообще близкими; таковые немедленно отводились. Въ двадцатый день происходила жеребьевка присяжныхъ (*sortitio*), т. е. изъ полного числа декуріи (кромѣ отведенныхъ) избиралось по жребію определенное (намъ неизвѣстное) число очередныхъ присяжныхъ. Наконецъ, въ шестидесятый день стороны отводили по определенному числу присяжныхъ (*relectio*) безъ особой мотивировки; оставшіеся образовывали окончательный

составъ комиссиі.—Эти сроки оказались слишкомъ неудобными, и Авреліевъ законъ 70 года ихъ значительно сократилъ.

18. Предварительное слѣдствіе. Эти шестьдесятъ дней не пропадали безплодно и для предварительнаго слѣдствія, такъ какъ представителямъ сторонъ не возбранялось въ промежутки между названными сроками изслѣдовать дѣло, насколько они могли дѣлать это, не слишкомъ удаляясь отъ Рима; но самое удобное время для производства слѣдствія наступало послѣ шестидесятаго дня. Тогда обвинитель обыкновенно (а защитникъ—если считалъ это нужнымъ) уѣзжалъ на мѣсто преступленія и являлся тамъ, имѣя упомянутыя въ § 5 полномочія, настоящимъ судебнымъ слѣдователемъ. Его цѣль была двоякая: собрать необходимыя для успѣшнаго обвиненія улики и позаботиться о своевременномъ отправленіи въ Римъ обвинительнаго матеріала.

19. Открытіе окончательнаго производства. Въ назначенный заранѣе день (см. § 16) преторъ открывалъ засѣданіе суда и прежде всего убѣждался, находятся ли на лицо оба представителя сторонъ (т. е., respondent ли они на его призывъ). Неявившійся обвинитель считался отказавшимся отъ обвиненія, неявка защитника при наличности обвинителя имѣла послѣдствіемъ осужденіе подсудимаго. Въ случаѣ законной неявки одной изъ сторонъ (которая, разумѣется, допускалась, какъ и у насъ), а также въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ судебное слѣдствіе откладывалось.

20. Пренія. Если, напротивъ, все было въ порядкѣ, то преторъ, покончивъ со вступительными формальностями, давалъ слово обвинителю, и начинались пренія. Вообще особенность римскаго (какъ и современнаго англійскаго) уголовного судопроизводства заключалась въ томъ, что пренія (т. е. рѣчи обвинителя и защитника) предшествовали допросу свидѣтелей, между тѣмъ какъ у насъ окончательное производство начинается съ допроса свидѣтелей (= судебного слѣдствія) председателемъ, представителями сторонъ и присяжными, и затѣмъ уже, по надлежащемъ выясненіи дѣла, идутъ «заключительныя» пренія (о вліяніи этого обстоятельства на характеръ преній см. ниже III 7). Рѣчь обвинителя въ важныхъ процессахъ могла тянуться нѣсколькими днями; рѣчь защитника, конечно, не уступала ей въ длинѣ. Такимъ образомъ ораторъ долженъ былъ быть въ состояніи говорить нѣсколько часовъ подрядъ; въ случаѣ крайняго его утомленія председатель объявлялъ перерывъ.

21. Допросъ свидѣтелей. Вслѣдъ за рѣчью защитника начинался допросъ свидѣтелей. Этотъ порядокъ судебного слѣдствія казался древнимъ болѣе соответствующимъ интересамъ правосудія, чѣмъ обратный, при которомъ присяжнымъ пришлось бы постановлять вердиктъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ рѣчи защитника съ ея эффектнымъ заключеніемъ. Свидѣтели вводились по одиночкѣ или группами и показывали подъ присягой; сначала являлись свидѣтели, привлеченные обвинителемъ, затѣмъ—приглашенные защитой; и въ томъ и въ другомъ случаѣ они допрашивались сначала своимъ ораторомъ (rogabantur), затѣмъ противникомъ (interrogabantur). Свидѣтелямъ вмѣнялось въ обязанность вводить свои показанія формулой arbitror,

даже если были очевидцами, чтобы не сдѣлаться въ случаѣ ошибки, клятвopеcтупниками (см. p. 12 пр. 43), а затѣмъ—давать только такія показанія, которыя относятся къ дѣлу, и притомъ дѣловымъ тономъ.

22. Комперендиція. За допросомъ послѣдняго свидѣтеля обыкновенно слѣдовалъ вердиктъ присяжныхъ; но для судовъ *perpetuatum*, въ виду ихъ исключительной важности, Корнелиевъ законъ предписывалъ т. наз. *comperendinatio*, т. е. полное возобновленіе судебного слѣдствія съ преніями во второй сессіи. Въ другихъ случаяхъ сами присяжные могли требовать возобновленія разбирательства (*ampliatio*; см. p. 6 пр. 15).

23. Вердиктъ. Для постановленія вердикта каждому присяжному вручалась дощечка, покрытая съ обѣихъ сторонъ воскомъ; на одной сторонѣ была выскоблена буква А (*absolvo*), на другой С (*condemno*). Присяжный оставлялъ только ту букву, которая выражала его мнѣніе, другую же стиралъ, затѣмъ подходилъ къ урнѣ, показывалъ дощечку народу, прикрывая пальцами нестертую букву, и затѣмъ опускалъ ее въ урну. Предсѣдатель считалъ дощечки и согласно большинству ихъ постановлялъ приговоръ. Если обѣ буквы оказывались стертymi, то это значило, что присяжный не считалъ дѣло достаточно выясненнымъ (*non liquet*); въ случаѣ большого числа такихъ отвѣтовъ назначалась ампліація.—*O litis aestimatio* см. выше § 2.

24. Кассационное производство. Кассація вердикта присяжныхъ была въ древнемъ Римѣ совершенно невозможна; исключеніе допускалось только въ одномъ случаѣ.

Выше уже было замѣчено, что законъ грозилъ обвинителю судомъ и карой за «легкомысленное обвиненіе» (*calumnia*); это постановленіе закона приводилось въ дѣйствіе въ томъ случаѣ, если число опущенныхъ въ урну табличекъ съ буквой С не составляло даже $\frac{1}{3}$ всего числа поданныхъ голосовъ. Противоположностью къ этому легкомысленному обвиненію несомнѣнно невиновнаго человѣка было нерадивое обвиненіе несомнѣнно виновнаго (*praevaticatio*), если оно имѣло послѣдствіемъ оправданіе его въ ущербъ потерпѣвшей сторонѣ. Такая *praevaticatio*—вслѣдствіе ли стачки съ подсудимымъ, или просто по неспособности—тоже могла имѣть послѣдствіемъ привлеченіе обвинителя къ отвѣтственности по почину потерпѣвшей стороны, и если тогда этотъ обвинитель признавался виновнымъ, то постановленный въ главномъ дѣлѣ оправдательный приговоръ считался недействительнымъ. Но это было единственное исключеніе; вообще же приговоръ уголовной комиссіи долженъ былъ считаться окончательнымъ.